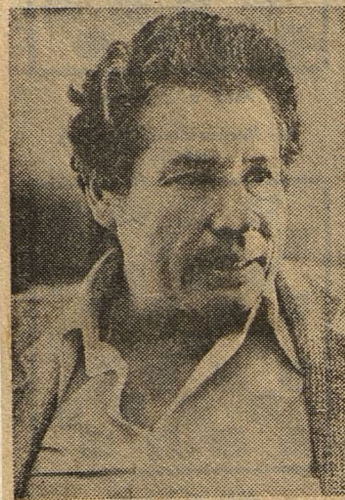

Армандо ПАРТИДА:

Все начиналось в Москве в 1960 году, куда молодой А. Партида приехал в составе первой группы латиноамериканских студентов учиться в Университет дружбы народов. Пять лет учебы в СССР стали пятью годами упорного изучения русского языка, что во многом определило его жизненный путь — по возвращении в Мексику он стал преподавателем русского языка. А когда русский язык открыл ему целую вселенную русской и советской культуры, в душе Армандо зародилось страстное желание подарить этот обретенный им новый мир своим соотечественникам.

— Мои первые серьезными попытками перевода были стихотворения Есенина, — признается Армандо. — Нет, нет, только не подумайте чего. Это были даже не переводы, а маленькие переводики, которые изредка появлялись в различных периодических изданиях (наша беседа идет то на русском языке, то на испанском, и мой собеседник нет-нет, да и вставляет в свою речь какой-нибудь очень русский и очень

Недавно в нашей стране по приглашению Союза писателей СССР находился известный мексиканский ученый-лингвист и переводчик, преподаватель кафедры театрального искусства и драматургии факультета философии и филологии Мексиканского национального автономного университета (УНАМ) доктор Армандо Партида. Это далеко не первый визит А. Партиды в нашу страну. Выпускник Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, он неоднократно посещал СССР в составе различных мексиканских делегаций. Глубокие знания и любовь к русскому языку, к русской литературе и истории позволили А. Партиде перевести на испанский язык «Слово о полку Игореве». Этот перевод вышел в прошлом году в мексиканском издательстве «Грильяс».

разговорный оборот типа того же «так сказать». — Прим. авт.). Например работа Ю. Лотмана по эстетике киноискусства, которая пользовалась большим спросом у преподавателей кафедры театрального искусства и драматургии, куда я затем и перешел работать. Вообще работа на этой кафедре значительно расширила мои возможности. Дело в том, что при кафедре существует театр, вернее, театральная студия. В постановках этой студии принимают участие студенты, изучающие актерское или режиссерское мастерство. Для них это нечто схожее с обязательным факультативом. Руководит же всем преподаватели кафедры. Такой же театр существует и в университете города Беракрус. Так вот по заказу этих театров-студий я сделал переводы двух пьес: «Тень» Шварца и «Каба-ла святош» Булгакова...

Тут мы позволим себе прервать А. Партиду и прибавим от себя, что его деятельность в театральной студии выходит далеко за пределы той скромной работы, о которой он говорит. Ныне А. Партида сам возглавляет эту студию, которая осенью текущего года будет представлять Мексику на Международном фестивале театра в столице Венесуэлы Каракасе. Не оставил Партида и стихотворные переводы. Пять лет назад Национальный автономный университет выпустил сборник, посвященный советской литературе двадцатых годов. В этот сборник были включены новые переводы есенинских стихов,

сделанные Армандо. Здесь он выступил уже не только как переводчик, но и как составитель и редактор сборника. А совсем недавно на университетской сцене поставлена еще одна советская пьеса в его переводе — «Провинциальные анекдоты» Вампилова.

— Армандо, а есть что-нибудь такое, что вы очень-очень хотели бы перевести?

— Да, конечно. Есть такая мечта. Очень хочу перевести, просто руки чешутся, «Грозу» Островского и тургеневский «Месяц в деревне». По глазам вашим вижу, что вы несколько удивлены...

— Вообще-то нет. Это классика нашей русской драматургии...

— ...И эта классика русской драматургии, которая своим социальным звучанием переключается с некоторыми проблемами, актуальными для мексиканцев дня сегодняшнего. Видите ли — я говорю сейчас в основном о «Грозе» — вопрос о борьбе за права женщины в России XIX века очень созвучен требованию более справедливого положения женщины в современном мексиканском обществе. Конечно, любые параллели здесь невозможны. Они только примитивизировали бы саму постановку проблемы. Но суть ее остается та же. Что касается «Месяца в деревне», то я «заболел» идеей перевести эту вещь Тургенева, когда читал книгу А. Эфроса «Моя профессия — режиссер». Есть у него в этой книге одно место, где он описывает постановку «Ме-

сяца...». Книга меня лично захватила целиком и полностью. Кстати, и ее я хочу перевести.

Вообще работы ваших театральных режиссеров у нас знают очень плохо. Из выдающихся мастеров театра, пожалуй, только Станиславский хорошо известен. Немного Мейерхольд. Но Вахтангова, Вахтангова совсем не знают! А современных советских режиссеров и подавно. Поэтому можно и нужно переводить их книги. Тем более, что их искусство — об этом я могу судить достаточно профессионально как человек, изучающий театр, как театральный критик и как руководитель театра-студии — многое может дать мексиканскому театру. В последнее время у нас наметился рост читательского интереса к русской литературе. В воскресных приложениях наиболее читаемых газет, «Уно мас уно», например, печатались номера в номер повести Чехова, Леонида Андреева. В театрах с большим успехом проходили постановки «Дяди Вани» и пьесы, созданные по мотивам «Преступления и наказания» Достоевского. Ну а если появился интерес, повышенный интерес к русским писателям, то логично ожидать, что он перерастет в интерес ко всей русской и советской многонациональной литературе. Ведь знают у нас и Айтматова, и Астафьева. Но фундамент всему — русская классическая литература.

— И поэтому вы взялись за перевод «Слова о полку Игореве», то есть ушли к самым корням нашей культуры. А ведь это средневековый эпос. Мы «Слово...» сами для себя переводим. Не было ли у вас соблазна «нырнуть» в первоисточник?

— Был. Нырнул я... без помощи Майкова и Заболоцкого, думаю, не выплыл бы. Я использовал их версии «Слова...». Трудная была работа и захватывающая. Первый раз «притор-мозил» уже на названия. Вот когда произносишь по-русски «Слово о полку Игореве», то звучит это певуче. Ощущается в этой фразе нечто древнее. Но при дословном переводе на испанский язык все это можно потерять. Так как же сохранить певучесть названия, не исказив его смысла? Я пошел следующим путем. Во-первых, в испанской литературе существует восходящая к средневековой традиции, согласно которой древние исторические произведения такого же эпического размаха, как «Слово...», получали название «Песнь». Например, «Песнь о моем Сиде». Кстати, само «Слово...» на Руси XII—XIII веков пелось. Во-вторых, в испанском языке слово «полк» имеет более позднее происхождение, нежели в русском. Оно могло слишком модернизировать заголовок, поэтому я его вообще снял. В итоге при переводе на русский язык получилась «Песнь о князе Игоре».

— А как возникла сама идея перевести «Слово...»?

— Это было задание министерства образования Мексики, которое решило выпустить серию книг, охватывающую наиболее крупные памятники средневековой литературы Европы и Азии. Книги этой серии предназначаются для молодежи, которая готовится продолжать свое образование в высшей школе. Издали «Слово...» хорошо. Впрочем, смотрите сами. — Партида протянул мне книгу в глянцежитой обложке, на которой изображен скачущий русский воин. Над рисунком надпись: «Классики литературы. Россия. XII век. Песнь о князе Игоре и другие тексты».

— Армандо, а кто делал рисунки к тексту? И что это означает «и другие тексты»?

— Рисунки делала очень талантливая художница Россана Дуран. А «другие тексты» —

это былины. Точнее, одна былина — «О Добрыне и Змее». Переводя эту былинку, я решил обязательно перевести на испанский язык и имя ее главного героя «Добрыня», поскольку оно несет в себе совершенно определенную смысловую нагрузку, обозначая большого, хорошего человека, готового на добрые дела.

— А нашел ли этот перевод своего читателя?

— С одной стороны, книга пользуется спросом. Ее тираж — шесть тысяч экземпляров — явно оказался недостаточным. Но все дело в том, что экономический кризис поднял цену на книгу так, что она стала по карману только людям состоятельным. А те, кому она адресовывалась и кому нужна как учебное пособие, купить ее не в состоянии.

Я стремился сделать не просто перевод «Слова...», а нечто близкое к исследованию по истории и культуре Древней Руси. С этой целью я давал как можно больше пояснений к тексту, написал обширное вступление. Работа над «Словом...» стала одним из ярчайших событий в моей жизни.

— В прошлый раз, когда мы с вами виделись — это было года полтора тому назад, — вы были в Москве в составе группы мексиканских ученых. Ныне — вы гость Союза писателей СССР. То есть вы представляете в двух ипостасях: лингвиста и театроведа. Какая же из них преобладает?

— А почему бы им гармонично не сосуществовать? Действительно, когда мы с вами познакомились в 1981 г., я приехал в Москву в составе делегации, которую возглавлял крупнейший современный философ Мексики Леопольдо Сеа. Перед нами стояла цель расширения контактов с советскими латиноамериканистами. И мы достигли успеха. Вернее, успех был взаимным.

Ваши ученые тоже приезжают в Мексику, приходят к нам в университет и читают лекции. Думаю, что все эти контакты полезны, поскольку они сближают наши народы.

— А как прошла ваша нынешняя поездка по Советскому Союзу? Понимаю, что мой вопрос слишком общего порядка, но зато он дает вам возможность самому выбрать, о чем рассказать.

— Обо всем, что я увидел и узнал в этой поездке, мне действительно говорить довольно трудно. Впечатления должны отстояться. Ведь программа пребывания в СССР была столь насыщенной, я был занят с утра до вечера. Музеи, театры, опять музеи... Постоянные встречи с советскими драматургами, режиссерами, писателями, учеными. Поездка в Сибирь — в Иркутск и Новосибирск. И еще не забывайте, что в Москве прошла моя юность, учеба в университете, сохранились друзья. Словом, существует многое, что нас сближает. И надо искать то, что сближает людей.

— А что больше всего запомнилось из сибирской поездки?

— Байкал и писатель Распутин. Байкал потрясает своим величием. В студенческие годы я уже приезжал в Сибирь, и тогда Байкал покорила меня. Видно, навсегда. А Распутин очаровал проникновенностью своей человеческой личности. Никакого самолюбования и большой искренности. Остается только сожалеть, что наша встреча была непродолжительной.

— Армандо, о чем еще вы хотели бы рассказать читателям «Советской культуры»?

— О мексиканском театре. Но это уже в мой следующий приезд в Москву.

С гостем беседовал
Александр
КУЗЬМИЩЕВ.